

В диссертационный совет 24.2.437.12, созданный на базе ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

454080 г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76, каб. 240

О Т З Ы В

официального оппонента

**на диссертацию Латыпова Вадима Сагитьяновича на тему:
«Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России:
концептуальные и нормативно-правовые основы», представленную
на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности
5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)**

Обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства в современных условиях невозможно без привлечения к производству по уголовному делу лиц, содействующих правосудию. Очевидна значимость участия этих лиц в процессе с целью повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности: тому свидетельством являются общемировые тенденции по расширению использования достижений науки и техники во всех сферах жизни общества, четко обозначившиеся тренды на создание основ восстановительного правосудия. Эти явления актуализируют теоретические, нормативные и правоприменительные аспекты участия в производстве по уголовному делу лиц, обладающих специальными познаниями, по-новому высвечивают потребность в регулировании участия медиаторов в альтернативных способах разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Как справедливо подчеркивает В.С. Латыпов, «есть нечто общее, что позволяет рассматривать лиц, оказывающих такую помощь, в одном монографическом исследовании – реализуемая ими особая, нейтральная по отношению к основным процессуальная функция содействия правосудию» (с. 6 диссертации). Учитывая значимость деятельности лиц, содействующих правосудию, для «обеспечения состязательности сторон, законности и объективности при принятии процессуальных решений», вряд ли можно признать удовлетворительным состояние, в котором находятся нормы, регулирующие эту деятельность. Автор верно отмечает, что в современной науке отсутствует целостное исследование, посвященное содействию отправлению правосудия как самостоятельной уголовно-процессуальной функции, что обуславливает объективную потребность в разработке теоретических аспектов данного раздела учения об уголовно-процессуальных функциях.

Указанные обстоятельства подчеркивают **своевременность и значимость** предпринятого В.С. Латыповым диссертационного исследования, основной целью которого определена разработка «теоретической модели ока-

зания содействия правосудию в уголовном процессе России, которая определит понятие и значение функции содействия правосудию в обеспечении равноправного, состязательного уголовного судопроизводства и позволит сформулировать научно обоснованные рекомендации по оптимизации действующего уголовно-процессуального законодательства в направлении совершенствования процедуры вовлечения и участия лиц, реализующих данную функцию» (с. 10).

Без преувеличения можно констатировать, что работа В.С. Латыпова является **крупным достижением** в указанной сфере уголовно-процессуальной науки, глубоким теоретико-правовым исследованием, внесшим существенный вклад в развитие концептуальных основ уголовного процесса, в совершенствование учений о функциях и участниках уголовного судопроизводства.

Исходя из актуальности темы предпринятого исследования, основываясь на имеющемся теоретическом материале и практике его использования, автор сформулировал оптимальный комплекс научных задач, отвечающих общей идее диссертационного исследования и являющихся исчерпывающими в рамках, ограниченных темой.

Положения, выносимые на защиту, также в полной мере согласуются с основными целями и задачами исследования, действительно отражают **новизну концептуальных положений работы**, выводов и рекомендаций, большинство из которых обоснованы и представляются достаточно достоверными и убедительными.

Результаты диссертационного исследования прошли солидную **апробацию** и были отражены в 64-ти научных работах автора, в том числе – в 4-х монографиях, 33 статьях, опубликованных в научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, обсуждались на многочисленных научно-практических конференциях и научно-представительских мероприятиях различного уровня. Наиболее значимые результаты диссертации внедрены в научно-исследовательскую деятельность и в учебный процесс 6 образовательных организаций высшего образования и в практическую деятельность Следственного отдела ОМВД России по г. Ноябрьску, Следственного Управления УМВД России по г. Екатеринбург, Следственного Управления УМВД России по Оренбургской области, федерального казенного учреждения «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», Управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Республики Башкортостан, Главного следственного управления МВД по Республике Башкортостан, Управления дознания МВД Республики Башкортостан.

Впечатляет и **эмпирическая база предпринятого исследования**: социологическим опросом в период с 2013 по 2022 гг. было охвачено 129 судей, 183 дознавателя, 289 следователей, 64 сотрудника органов предварительного следствия, проходивших повышение квалификации, 376 представи-

телей общественности; изучены статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, верховных судов Оренбургской, Челябинской, Московской областей, Республики Башкортостан, Главного информационно-аналитического центра МВД России за 2013–2022 г.; проанализированы материалы следственной и судебной практики, опубликованные в федеральных изданиях, на официальных сайтах правоохранительных органов и общедоступных электронных ресурсах, что подчеркивает репрезентативность полученных автором результатов, **обоснованность и достоверность выводов**, сформулированных на основе данной эмпирии.

Диссертация отличается внутренней логикой, обусловленной целями и задачами исследования: структурно работа состоит из введения, пяти глав, объединяющих пятнадцать параграфов, заключения, списка литературы, приложений.

Отмечая достоинства представленного на оценку диссертационного исследования, следует отметить следующее. Диссертация содержит **комплекс отличающихся научной новизной теоретических положений**, по своему содержанию и значению достаточных для вывода о признании их существенным личным вкладом автора в развитие уголовно-правовых наук в целом, и науки уголовно-процессуального права – в частности.

Автор разработал теоретическую модель содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России, основанную на расширении представления о системе уголовно-процессуальных функций, обосновал существование самостоятельной по отношению к основным функциям – функции содействия правосудию, чем внес существенный вклад в развитие данного уголовно-процессуального учения. В качестве ключевой идеи этой теоретической модели выступает тезис, что для обеспечения состязательного правосудия, основанного на равноправии сторон, необходимо создание доступного сторонам и суду публично-правового механизма, который зиждется на реализации нейтральной уголовно-процессуальной функции содействия правосудию участниками уголовного процесса. Автор препарировал данную функцию и выделил особую роль лиц, оказывающих содействие правосудию, заключающуюся в сообщении и (или) получении доказательственной информации, оказании консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду.

Методологически важным видится вывод, что формирование правового государства предполагает развитие правовой культуры граждан, обладающих необходимыми знаниями и представлениям об особенностях устройства современного общества, тенденциях его развития, роли права в качестве краеугольного института общественного развития, важности формирования должного правосознания (с. 37 диссертации). Этот фактор – социальная основа для реализации функции содействия правосудию.

Логичным и заслуживающим поддержки видится подход автора к пониманию правосудия в широком смысле этого слова, что позволяет применить данный термин в наименовании анализируемой в работе функции, распространив суждения о ее реализации не только на судебное производство, но и на весь уголовный процесс (с. 44). Следует в целом позитивно оценить широкомасштабное исследо-

вание ассоциации норм, именуемой автором правовым институтом содействия правосудию, аргументацию авторской позиции по объекту, предмету и методу регулирования, исследование субъектного состава, которому адресованы предписания данной нормативной общности.

Импонирует итог анализа дискуссии об уголовно-процессуальных функциях, предпринятый в 3 параграфе первой главы диссертации (с. 67). Подход автора к рассмотрению функций в широком смысле (сквозь призму принципа состязательности сторон) и узком смысле (с точки зрения ролевого предназначения конкретного участника) снимает остроту дискуссии и позволяет развернуть исследование данной категории в плоскости, направленной на раскрытие функциональной сущности содействия правосудию.

Оппонент полностью разделяет вывод соискателя, что «... теория разделения основных функций на три составляющих нежизнеспособна, поскольку в современном уголовном процессе отсутствует принцип состязательности в том ключе, в котором его следует понимать. Состязательность должна прослеживаться не только на судебных стадиях уголовного процесса, ею должен быть пронизан процесс расследования с самых первых дней, с момента начала уголовного преследования» (с. 72 диссертации).

Учитывая дискуссионность теоретических основ учения об уголовно-процессуальных функциях, следует позитивно отметить интересную авторскую градацию функций на основные, сопутствующие и ситуативные (с. 73). Такой же положительной оценки заслуживает классификация субъектов, оказывающих содействие правосудию, изложенная на с. 88-90 диссертации, а также на с. 92 (по критерию целей привлечения). Эти разработки, безусловно, можно признать личным вкладом соискателя в развитие данного уголовно-процессуального учения.

Всецело поддерживаем тезис соискателя на с. 119 о целесообразности возвращения «к историческому для России наименованию и последующему нормативному закреплению укрупненной категории лиц, обладающих специальными знаниями (специалист, эксперт, переводчик), объединив их единым понятием – «сведущее лицо»». Данный шаг по совершенствованию категориального аппарата учения об участниках уголовного судопроизводства давно ожидаем и поддерживается значительным числом ученых-процессуалистов.

В рамках компаративистского раздела диссертационного исследования соискатель формулирует ряд интересных суждений. Согласно с его утверждением, что принцип состязательности «создает исключительно благоприятные условия для функционирования уголовно-процессуального института содействия правосудию» (с. 157). Исследуя англо-американскую модель уголовного процесса, автор приводит убедительную классификацию форм использования специальных знаний в таком судопроизводстве (с. 158).

Интересны суждения относительно трех видов судебных экспертиз в уголовном процессе Франции (состязательная, контролируемая и несостязательная экспертизы) (с. 161).

Несомненно, в позитивном ключе следует оценить компаративистские исследования соискателя сходных нормативных общностей в уголовно-

процессуальном законодательстве государств на постсоветском пространстве, выявленный при этом положительный опыт Казахстана (с. 183-185), Республики Беларусь (с. 204-205), вопросы регламентации медиации в Эстонии (с. 214).

Однако соискатель не обратил внимание на один негативный аспект в регламентации деятельности сведущих лиц в уголовном процессе Республики Казахстан: в ходе реформы правоохранительных органов производство судебных экспертиз оказалось сосредоточенным в руках одного ведомства – Министерства юстиции. Сотрудники экспертных подразделений МВД РК были лишены права производства судебных экспертиз, что повлекло серьезные организационные трудности, обусловленные недостаточной штатной численностью экспертных учреждений Минюста РК, большой потребностью в экспертных услугах, которые чисто физически не могли предоставить кадровые ресурсы одного ведомства. Чтобы решить проблему организационного характера, регулирование которой логически предполагало возрождение экспертного аппарата в МВД РК, казахстанский законодатель предпринял беспрецедентный шаг – специально для сотрудников экспертных подразделений МВД РК была введена новая процессуальная форма применения специальных познаний – производство исследования специалистом. Фактически в нормах, регулирующих дачу специалистом заключения, были продублированы установления, закрепляющие порядок производства судебной экспертизы (главы 34 и 35 УПК РК). Таким образом, в уголовном процессе Республики Казахстан параллельно существуют два вида однородных доказательств, отличающихся друг от друга только ведомственной принадлежностью лиц, их составляющих. Данное обстоятельство, безусловно, требовало от исследователя критической оценки.

Теоретические изыскания автора, предпринятые в первой и второй главах, создали надежную основу для формулирования комплекса законодательных новелл, направленных на реальное воплощение авторских идей в проектных нормах. Позитивной оценки заслуживают предложения по совершенствованию регламентации судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела (с. 236), статуса судебного эксперта (с. 242) и руководителя экспертного учреждения (с. 244), а также ряд других новелл, разработанных соискателем и презентованных в приложении № 6 к диссертации.

Интересны суждения соискателя относительно фигуры «особого свидетеля» (с. 286-290), а также новеллы, направленные на оптимизацию статуса понятых и «процессуальных ассистентов» (с. 306-308), закрепление в законе такого участника, как медиатор (с. 329-331).

Мы согласны с подходом автора, выразившемся в попытке комплексно решать проблемы правового института содействия правосудию, и поддерживаем его идею введения в УПК РФ самостоятельной главы 18.1, посвященной регламентации уголовно-процессуальных мер безопасности (с. 373). Этот подход позволил ему сформулировать очень интересное и перспективное (основанное на межотраслевом видении проблемы) направление оптимизации вовлечения в судопроизводство лиц, содействующих правосудию: «С целью оптимизации данной процедуры необходимо разработать и внедрить современную

цифровую правовую платформу, включающую в себя базу лиц и организаций, оказывающих услуги по участию в судопроизводстве (уголовном, гражданском, административном, арбитражном) в качестве переводчиков, экспертов, педагогов, психологов, а в случае необходимости и других лиц» (с. 378).

В работе презентованы и иные интересные авторские позиции по вопросам совершенствования теоретических и нормативных основ правового института содействия правосудию. Эти предложения, безусловно, обогащают теорию и практику уголовного процесса, они могут послужить идейным ориентиром для дальнейшего развития данного перспективного направления уголовно-процессуальной науки.

Однако, как и любое творческое исследование, посвященное актуальным проблемам наук уголовно-правового цикла, текст диссертации В.С. Латыпова не лишен нуждающихся в дополнительном обосновании положений.

1. В целом разделяя научные взгляды соискателя на правовую сущность совокупности норм, регламентирующих содействие правосудию, как на правовой институт, приветствуя углубленный анализ этой нормативной общности в параграфе 2 главы 1 работы, тем не менее, полагаем, что нуждается в уточнении масштаб исследуемого нормативного образования ввиду многообразия включенных в него предписаний. В науке обосновано, что нормы, регулирующие назначение и производство судебной экспертизы, также образуют самостоятельный правовой институт, равно как и вся совокупность уголовно-процессуальных установлений, направленных на упорядочивание деятельности специалиста также вправе претендовать на такой статус. Как соотносятся по масштабу эти совокупности норм, включенные автором в выделяемый им правовой институт? Не могут части именоваться также как и целое. Кроме того, сам автор в качестве признаков, которые он берет за основу характеристики правового института, обозначает «регулирование самостоятельной, обособленной группы отношений, представленной *в совокупности однородных норм права*» (с. 53 диссертации). Вряд ли можно говорить об однородности уголовно-процессуальных норм, регулирующих участие судебного эксперта в деле и секретаря судебного заседания (и др.). Целевой признак (содействие правосудию) объединяет эти предписания, однако процедурные нюансы, субъектные аспекты их разнят. На с. 55 соискатель обоснованно замечает, что это «комплексный правовой институт, который затрагивает содержание других правовых институтов». Данное высказывание – предпосылка к напрашивающемуся выводу о том, что исследуемое нормативное образование – это не просто комплексный институт, это «макроинститут», объединяющий в себе совокупность других правовых институтов и более мелких нормативных ассоциаций.

2. На с. 57 диссертации сформулирован интересный вывод о классификации содействия правосудию по продолжительности (эпизодическое, периодическое, постоянное). Но вызывает сомнение разграничение на эпизодическое и периодическое без пояснения критериев такого разграничения. Примеры с участием понятых и специалиста вряд ли можно признать удачными иллюстрациями такого размежевания.

3. На с. 87 работы, анализируя уголовно-процессуальные отношения, категорию «участник уголовного процесса», автор приходит к заключению, что «Имеющийся у участника уголовно-процессуальный интерес, обусловленный процессуальной функцией, определяется наличием необходимых прав и обязанностей, которыми его наделило государство для осуществления этой функции». Однако формальная принадлежность участника к той или иной уголовно-процессуальной функции не всегда обуславливает его процессуальный интерес. Этот интерес не определяется наличием прав и обязанностей, которые, по нашему убеждению, будучи компонентом статуса участника, «достаются ему в пакетном варианте» по тому же формальному отнесению к той или иной стороне процесса. Интерес – явление более глубинное. К примеру, при производстве по уголовным делам потерпевший, как носитель обвинительной функции, далеко не всегда может быть заинтересован в успешном ее завершении (когда обвиняемый является его родственником, или когда вред, причиненный преступлением, заглажен обвиняемым, и потерпевший уже не стремится к реализации уголовной ответственности). Следовательно, процессуальный интерес иногда может не совпадать с уголовно-процессуальной функцией участника уголовного процесса.

4. Исследуя историю становления функции содействия правосудию в отечественном уголовном судопроизводстве (с. 97), соискатель вслед за многими авторами ошибочно трактует некоторые исторические факты, утверждая, что «1535 годом датируется первое в истории России *проведение судебно-медицинской экспертизы (в привычном для нас понимании)*, когда врачом Феофилом по поручению царицы Елены проведено обследование князя Андрея Старицкого по поводу «подозрения его в притворной болезни». Сходную ошибку содержат и утверждения на с. 102, что существуют «свидетельства, что в 1658 г. зародилась судебно-химическая экспертиза», что «годом начала производства судебно-психиатрической экспертизы в России принято считать 1679 г.». Данную деятельность признать экспертизой нельзя по следующим основаниям: во-первых, уровень развития медицинских и криминалистических познаний того времени не предусматривал какой-либо методики проведения подобных исследований (наличие методики – неперенный атрибут экспертизы); во-вторых, в этой ситуации нельзя говорить и о процессуальном аспекте такого освидетельствования, так как законодательных актов, содержащих правила его производства, тогда еще не было. Описанные события можно интерпретировать исключительно как специфическую форму участия сведущих лиц в уголовном процессе (впрочем, как и привлечение палачей, «заплечных дел мастеров», к расследованию).

5. На с. 226 утверждается, что с марта 2022 г. для налоговых преступлений в ст. 140 УПК РФ введен самостоятельный повод к возбуждению уголовных дел. Однако анализ собственно содержания ст. 140 УПК РФ, юридической техники, примененной законодателем при конструировании новелл 2022 г., позволяет возразить соискателю. Если бы положения ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ позиционировались бы законодателем как самостоятельный повод для возбуждения

уголовного дела, эти новеллы бы появились в ч. 1 указанной статьи в виде пункта 5. Закрепление же их в качестве отдельной части является несомненным свидетельством того, что они не признаются самостоятельным поводом, а расцениваются как разновидность информации, закрепленной в пункте 3 части 1 (сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников), как ее конкретизация применительно к налоговым преступлениям.

6. На с. 228 соискатель отмечает критерий допустимости использования специальных правовых знаний: «если они не связаны с оценкой деяния, и достоверности показаний участников уголовного судопроизводства». Однако, как представляется, в законе необходимо сформулировать требование к допустимым правовым специальным знаниям через призму их отраслевой принадлежности: они не должны касаться норм уголовного и уголовно-процессуального права. Это обусловлено тем, что «экспертами» в данных вопросах являются сами правоприменители, которые не должны возлагать часть своих обязанностей по оценке деяний, доказательств на иных субъектов.

7. Спорно утверждение автора на с. 247, что «... уголовно-процессуальное законодательство наделяет специалиста более объемными процессуальными возможностями и отождествляет его деятельность с так называемой альтернативной экспертизой». Этот подход автора нашел воплощение и в варианте дефинитивной нормы ч. 1 ст. 58 УПК РФ, где специалист наделяется правом проведения исследований. Однако совершенно иное видение роли заключения специалиста вытекает из буквального толкования текста закона (ч. 3 ст. 80 УПК РФ в системном единстве с ч. 1 той же статьи) и из правовых позиций Конституционного Суда РФ (Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астахова Павла Васильевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение от Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 N 2032-О) и Пленума Верховного Суда РФ (О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28).

Тем не менее, указанные выше замечания в большей степени носят дискуссионный характер и не снижают положительного впечатления от ознакомления с результатами проведенного исследования.

Изучение диссертации В.С. Латыпова дает основание для вывода, что она написана самостоятельно, на актуальную для уголовно-правовых наук тему, содержит комплекс теоретических положений, отвечающих требованию научной новизны, которые можно оценить как решение научной проблемы, имеющей важное правовое, политическое и социально-экономическое значение. Автореферат (56 с.) соответствует содержанию диссертации.

Таким образом, можно прийти к выводу, что диссертация Латыпова Вадима Сагитьяновича на тему: «Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, является законченным самостоятель-

ным научным исследованием, содержащим решение крупной научной задачи, соответствует требованиям, установленным п.п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 18 марта 2023 г.), а соискатель – Латыпов Вадим Сагитьянович – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук.

Официальный оппонент:

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

27.06.2023

Зайцева Елена Александровна

ПОДПИСЬ
УДОСТОВЕРЯЮ
ФИЛИАЛЬНЫЙ ОДИН

Сведения об оппоненте:

Зайцева Елена Александровна

Ученая степень: доктор юридических наук (диссертация защищена в 2008 г. по специальности 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность)

Ученое звание: профессор

Должность: профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел

Место работы: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». 400075, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130

Тел. 8(8442)-31-41-24

E-mail: zaitceva-expert@rambler.ru